

Андрей ФЕФЕЛОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МАРЬИНУ РОЩУ

Выставка Геннадия ЕФИМОЧКИНА в «День-центре»

ПРОШЛОЕ ЖИВЁТ в именах. Всё остальное недолговечно, как звук. Неуловимо, как дуновение.

Марьина Роща некогда действительно была рощей, чем-то вроде парка для гуляний на северо-восточной окраине Москвы. Теперь этот район считается почти центральным. В имени его хранится память о неведомой Марье, жившей в ту пору, когда время не дробилось так сильно — мерялось не минутами и часами, но восходами и закатами.

Современный образованный человек, как правило, знает про Марьину Рощу два факта. Первый факт: там стояла и стоит старая московская синагога. Второй факт: район этот считался в прошлом веке бандитским и опасным для прогулок.

Всё это штампы, отображающие ничтожную часть широкого потока жизни и истории. Но в этом потоке столько будничного, неприметного, неучтённого, при этом очень-очень важного, ценного, глубокого.

Наш дорогой старец и мэтр, народный художник России Геннадий Ефимочкин, как могущественный чародей, представил нам в полноте мерцающих образов давно уже исчезнувшую и забытую Марьину Рощу.

Ефимочкин пишет: "Первые тридцать лет моей жизни прошли в Марьиной Роще. Почти столько же я прожил в других районах Москвы. Но та первая половина мне кажется настоящей, подлинной моей, а последующая как будто уже и не моя. Она прошла как бы и не в Москве. Не осталось знакомых людей, домов и переулков. Как-то случайно встретил свою бывшую соседку Иру, и она мне призналась, что часто ездит на то место, где стоял наш деревянный дом, и плачет, плачет, вспоминая прежнюю жизнь. Но если трезво взглянуть на ту прошедшую жизнь, хорошего в ней было не так уж и много. Комната с покосившимся полом, в которой я жил последние годы, зимой не отапливалась. Стены промерзали насквозь. Казалось бы, одно это должно было вытравить добрые воспоминания. Но нет. Мне кажется, что самой лучшей частью Москвы были трущобы Марьиной Рощи.

В 1962 году меня переселили из Рощи. Наши дома сломали. В последующие годы я неизменно возвращался к сюжетам моей малой родины. Есть нечто такое, что не поддаётся рациональному объяснению, что побуждает художника упорно работать, несмотря на убытки и сомнительный успех в будущем.

Блестящего виртуоза Рубенса знают все, а его современник Броувер не столь знаменит. Однако они жили в одно время, и оба вдохновлялись окружающей жизнью. Но как эта жизнь somehow выглядит на полотнах двух живописцев! Один изображает пышных красавиц, подвиги королей, блеск придворной знати. Другой — кабачки, драки, нравы низов. Один пишет большие пёстрые холсты, другой — монохромные маленькие картинки. Казалось бы, между ними ничего общего, а по сути дела оба мастера представляют обе стороны одной эпохи. Вот я и думаю: наши успехи в освоении космоса и трущобы Марьиной Рощи, пышные банкеты руководителей страны и уличные пивные тесно взаимосвязаны между собой. Это звенья одной цепи".

Марьина Роща, вырванная из пасти Хроноса, превратилась в особое магическое пространство, преисполненное золотых свечений и таинственных отблесков.

Ефимочкин говорит: "Я часто писал ночные мотивы. Что-то загадочное и настороженное есть в вечерних картинах".

Ненасытное время, с бешеной скоростью пожирающее целые галактики, вдруг перестало чавкать триллионами своих будильников, замолкло, отступило и спряталось. И проявились родные до слёз туманные улицы, заборы, крыши, мокрые тротуары и покосившиеся стены хибар уже нетленной, вечной, не подверженной стихиям Марьиной Рощи.

Как недосказанные фразы, как забытые случайные звуки, дремлющие в суровой толще времён, явились огни и тени прошлого. Это странный, сумеречный и давно несуществующий мир гипнотически притягателен.

Около двадцати работ, созданных Ефимочкиным по юношеским зарисовкам, составили единую

уникальную серию, ныне представленную в галерее "День".

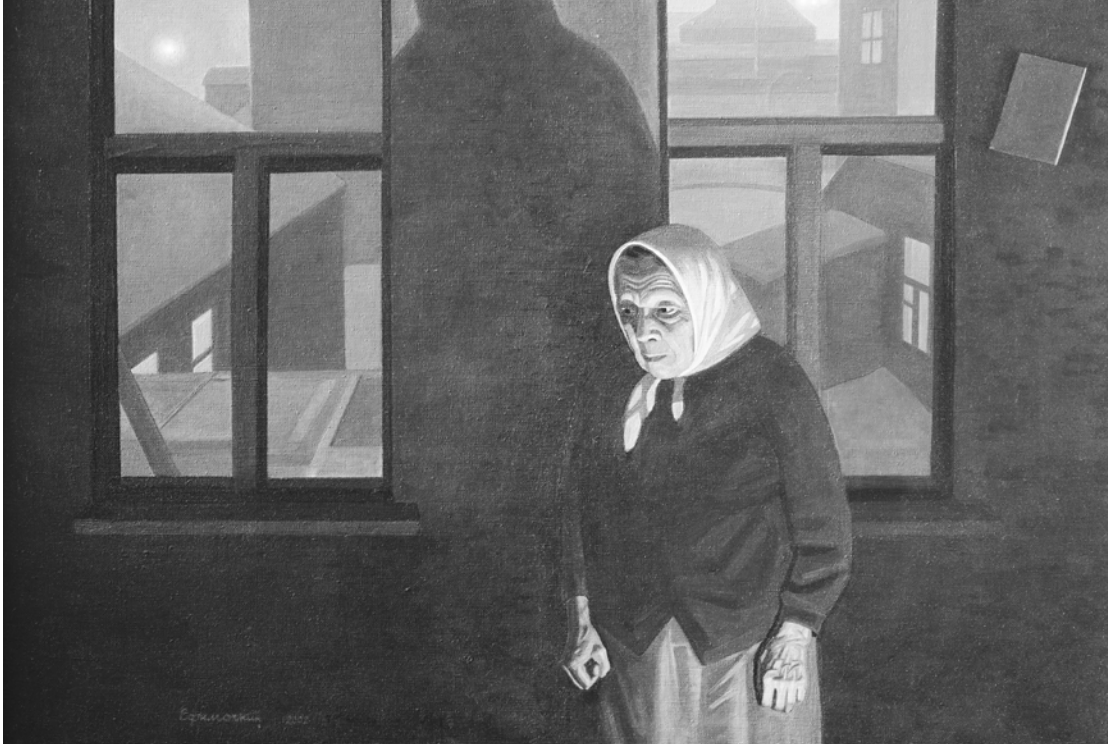
Художник Ефимочкин вспоминает: "Ещё несколько лет после моего переселения у Рижской железной дороги сохранялись кварталы старого города. Тут воево гоняли голубей, сушили бельё во дворах. Прицепленные к верёвкам простыни, кальсоны, рубашки, как Гуси-Лебеди, размахивали, бились крыльями по ветру..."

«Последняя весна»

Что же, приходите в "День-центр". Там Марьина Роща посмотрит на вас из рубиновой тьмы достопамятного века двадцатого.

Выставку можно посетить по адресу: г. Москва, ул. Коровий Вал, 1А, стр. 1, ТЦ "Добрынинский", 3-й этаж (одна минута пешком от станции метро "Добрынинская").

«Баба Матрёна»

«7-й проезд»

"Моя счастье в жизни, моя защита — это вечно присутствующая ангельски прекрасная мечта о красоте".
Николай Милиоти

ИСКУССТВО ВЕЧНО, ибо основано на непреходящем, на том, что отринуть нельзя. Искусство едино, ибо единый его источник — душа. Искусство символично, ибо носит в себе символ вечного во временном. Искусство свободно, ибо создаётся свободным творческим порывом", — вещали адепты художественного движения "Голубая роза" в своём печатном издании "Золотое руно".

То было время ярких манифестов, поиска форм, эстетских переживаний. Искусство — ради искусства. Символ важнее смысла. Роза должна быть осязаемого цвета, чтобы оставаться розой, в противном случае она будет отвергнута, как нечто вульгарно-простое. Как размышляли? Странное — чарует Академизм — давно мёртв. Передвижники — сермяга. Красота имеет право на всё, так как она, по словам Оскара Уайльда, выше гения. Пиршество для глаз — то, ради чего пальцы берутся за кисть. Музы требуют самоотречения!

На картине "Пастораль" Николая Милиоти, участника "Голубой розы", мы видим созвучие нюансов и уже потом различаем даму и кавалера Галантного века. Они — в пёстром потоке. Ни одной чёткой линии — всё солнечные зайчики лилейно-бледных оттенков. Где мы? На выставке "Николай Милиоти. Избранное", что происходит сейчас в Третьяковской галерее.

Этот художник менее известен, чем его собратья по "Голубой розе" — Павел Кузнецов, Сергей Судейкин, Мартирос Сарьян, Николай Сапунов, и поэтому нам представляется уникальная возможность "открыть" заново этого нетривиального мастера. Тренд нынешних галерей — показывать утраченное, забытое, вновь обречённое. Холсты Милиоти часто попадались в сборных экспозициях, но столь пристальное, я бы сказала — громкое внимание уделено впервые. Тому есть повод — круглая дата — 150 лет со дня рождения.

Нас встречает портрет художника, написанный его другом Николаем Сапуновым. Перед нами — черноволосый южанин, грек. Милиоти писал о себе: "Я родился в 1874 году в Москве на Воздвиженке, в живописной татарской столице с сорока сороками церквей и часовен. Я происхожу из очень богатой семьи промышленников со стороны моего отца и из военного дворянства со стороны матери. Фамилия, которую носят члены моей семьи означает "милосеи" — житель древнегреческого острова Милос, где высеклась из мрамора прекраснейшая Венера. Именно здесь проживали те, чья кровь течёт в моих жилах". Сын купца I пильдии, он мог бы выбрать иную стезю — бизнес или адвокатуру, но, памятуя о богине любви, Милиоти предпочёл гармонию.

На выставке можно увидеть целый ряд фотографий и автопортретов — художник был привлекателен и знал это. Эпоха благоволила к бронедам с бездонными очами. Начало жизни — обыденно. Типично для состоятельного отпрыска. Учрёба в Третьей классической московской гимназии, затем — в реальном училище Воскресенского. Золотая медаль. Увлечение изящными искусствами. Лето в Кузьминках — имени князей Голицыных. Музичество. Театральные ложи. Влюблённость. Поступление в Московское училище

ТВОРЕЦ МИРАЖЕЙ

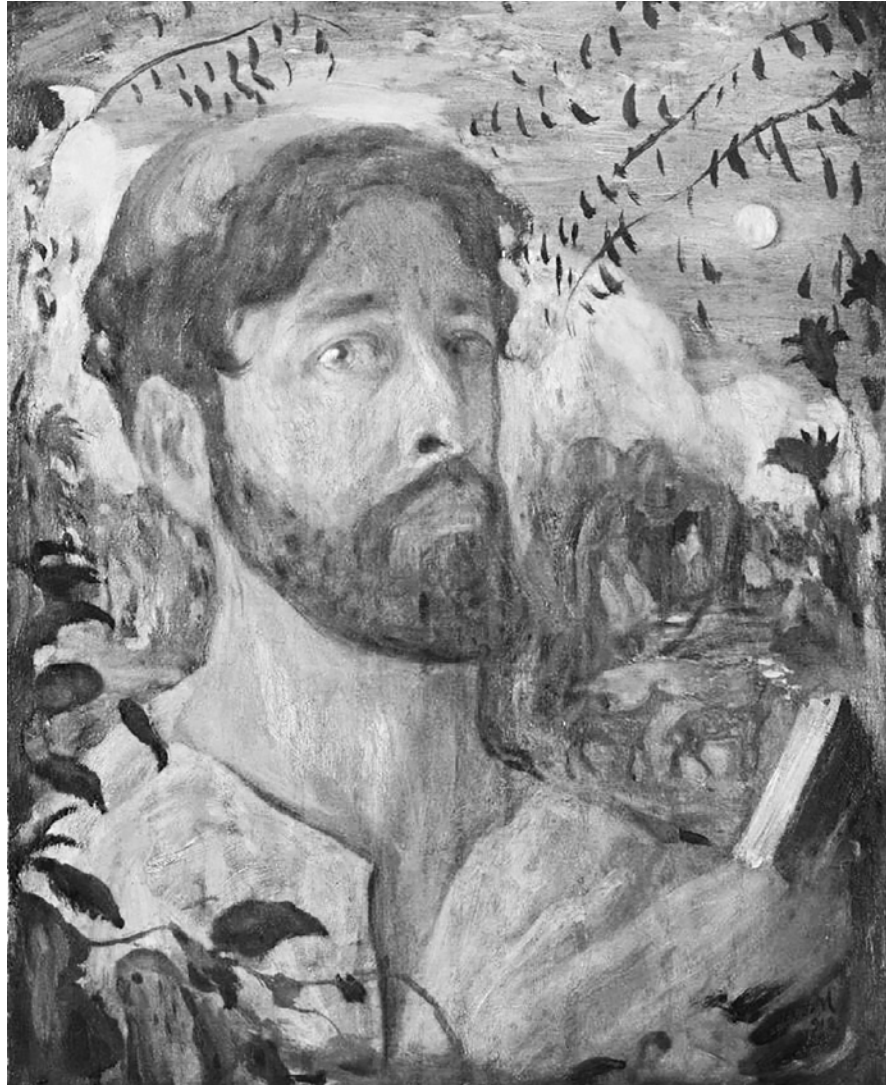
О выставке Николая Милиоти в Третьяковской галерее

живописи, ваяния и зодчества, где царили Валентин Серов, Константин Коровин и Леонид Пастернак.

Кроме того, разумный юноша отучился на историко-филологическом факультете МГУ, и его профессором был сам Василий Ключевский. Остановился ли на этом? О, нет — ждала Сорбонна, и ещё — парижские мастерские, музеи, салоны. Широкая образованность да вкупе с баснословным достатком — это считалось редкостью в художественной среде. Такого человека не могли не заметить. Милиоти стал одним из отцов-основателей "Мира искусства", познакомился с Сергеем Дягилевым, сблизился с кружком Павла Кузнецова — будущим ядром "Голубой розы". 1900 — 1910-е — бурная пора, выставки, публикации, поездки.

ОДНА ИЗ ТЕНДЕНЦИЙ Серебряного века — ностальгический интерес к XVIII столетию. Эру мадам де Помпадур и Марии-Антуанетты романтизировали, являя придуманную идеальность Версаля. Казалось, что Французская революция растерзала чарующий мир, где все женщины были похожи на фарфоровые статуэтки. Евгений Лансере, Константин Сомов, Александр Бенуа, Мстислав Добужинский препарировали fêtes galantes. Николай Милиоти не прошёл мимо сего дивного повертия. "Бал", "Прогулка", "Любовники", уже упомянутая "Пастораль" и одна из лучших его работ по теме — "Карнавал. Лестница" — все они создавали атмосферу праздничной неги.

Фабулы-миражи, уводящие в мир грёз, впрочем, соседствуют с пейзажами

Автопортрет (1912)

и портретами друзей и родных. Портрет кузины — Любы Гауш, супруги живописца Александра Гауша — это восторг перед младостью и грацией. Светло-розовые тона, изящно склонённая головка, увенчанная модной причёской, в руке — перламутровая ракушка. Сама Любовь Николаевна также была художницей, теоретиком искусства, а в 1920-х годах создавала образцы "революционного фарфора". Так, знамениты её блюда "Мы превратим весь мир в цветущий сад" и "Красная звезда. РСФСР".

Великолепен автопортрет Милиоти в алых тонах — здесь чувствуется крепкая техника, полученная в ходе обучения. Вообще же, на выставке много автопортретов, написанных в реалистической манере. Одно ли творчество занимало всю его натуру? Несмотря на то, что Милиоти слыл, как теперь это называют, "мажором" и популярной личностью, он ещё в начале 1900-х годов отбыл воинскую повинность, в роковом августе 1914-го пошёл на фронт, где сражался доблестно и честно. Элита империи считала своим долгом отклиться на призывы Родины.

Впоследствии Милиоти скажет: "Первый год страшной войны был для меня совершенно фантастичен. В августе 1914 года я поступил в Сибирскую Стрелковую бригаду, формировавшуюся в Иркутске. Какая экзипированность, холёность, какая жадность до впечатлений, какое удовольствие пить жизнь, даже идти на гибель! Как непоколебима казалась жизнь наша барская, как прекрасна, громадна Россия, её армия, её правительство, её народ! Помню особенно обед в ресторане "Прага" в день объявления войны Францией и Англией, когда, стоя, слушали мы восторженно ряд исполнявшихся оркестром гимнов. А ведь музыка эта была похоронной музыкой нашей культуры, нашего прошлого, нашего поколения и всей жизни нашей".

Сын первоильдейского купца, Милиоти не принял революцию, но всё же он началу пытался осознать реалии — ходил на приёмы к Анатолию Луначарскому и прочим функционерам, беседовал о музейном деле в условиях национализации, думал о применении творческих сил в сложившихся обстоятельствах. Получив от Луначарского охранную грамоту, переехал в Крым и даже начал работать в местных музеях. Однако романа с Советской властью не случилось — в 1920 году Милиоти оставил Россию, как выяснится потом — навсегда. Мастер хотел переждать большевизм, как эпидемию, но красные протуберанцы оказались не болезнью, а порождением новой цивилизации.

ПЕРВАЯ АСТАНОВКА — Болгария, где его мастерскую навещает сам царь Борис III. Затем — Берлин, город космополитически яркий, но бедный и озлобленный. "Потерянность, низость и убожество этого тупого города, а быть может и большей части европейских больших центров просто потрясающая. У немцев всё особенно мерзко и низменно, но быть может, это судьба всей потерявшей Бога современной Европы", — раздражённо пишет Милиоти. Это грубое описание похоже на то, какое сделал Сергей Есенин, посетив Берлин в том же 1922 году: "Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет, здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человечка я пока ещё не встречал и не знаю, где им пахнет".

В этом чуждом городе Милиоти встречает Марину Цветаеву и пишет её портрет, наполненный мягким светом. Но художника не обманешь — он ощутил внутреннее напряжение модели. Отсюда — трагически пустой взгляд и жёстко сомкнутый рот — поэтесса тоскует, мечется, не знает, как, чем и — зачем ей жить. "Моя неудача в эмиграции — в том, что я не эмигрант, а я по духу, то есть по воздуху и по размаху — там, туда, оттуда...", — констатирует она.

Николай Милиоти переезжает в Париж — туда стекались все эмигрантские потоки. Кому-то везло, а кто-то становился таксистом или разносчиком еды. Наш герой оказался счастливым, и музы — его извечные спутницы — его не оставили. Состоялась встреча с добрым товарищем — Сергеем Дягилевым. Он-то и помог Милиоти вписаться в европейскую действительность. Богатых заказчиков не волновали "измы" — они хотели видеть себя респектабельно-пригожими.

Типичен портрет неизвестной дамы, сделанный в 1930-х годах — тщательно уложенные волосы, коричневое платье с вырезом-каре, цветов на корсаже, губы чуть тронуты коралловой помадой. Такие картины Милиоти писал в несметном количестве, работал для театров, продолжая изучать теорию искусств. Не забывал и о путешествиях. Манила Испания, где синь небес и горячий воздух. "Эскориал" и автопортрет на фоне Толедо — своеобразная дань Эль Греко.

А вот — лицо юмористки Надежды Лохвицкой-Тэффи. Эта неунывающая, бодрая женщина, привыкшая на всё отвечать улыбочкой — такой её увидел Милиоти — страдала от ностальгии не меньше, чем нервическая Цветаева: "Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда. У нас каждая баба знает — если горе большое и надо поприжать — идти в лес, обнимать берёзонку, крепко, двумя руками, грудью прижмись, и какайся вместе с нею, и голоси голосом; словами, слезами изойди вся вместе с нею, с белою, со своею, с русской берёзонкой! А попробуйте здесь".

Но европейский Interbellum — это нищета, вызванная Первой мировой войной. Крутой успех могла дать лишь Америка — зажиточная, щедрая, электрифицированная, автомобильная. Милиоти с привычной лёгкостью переезжает в Штаты: "Меня тут очень балуют. Обо мне пишут без конца в газетах. На мои портреты выстраивается очередь". Обрушившаяся слава закончилась так же быстро, как и началась — живя в доме некоей миллионерши, Милиоти без разрешения набросал портрет её темнокожей служанки. Расистский бомонд был фразпирован, а художник вернулся во Францию.

Он трудился до конца дней и умер в 1962 году — в почтенном возрасте — ему было под девяносто. Похоронен художник на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Стоило ли ему бежать из Советской России? Вопрос несправедлив, так как все его родственники остались в Москве, а внучка, Елена Милиоти (с двумя "л") родившаяся в 1937 году, стала одной из ведущих актрис театра "Современник". Она и хранит архив своего деда. Но история не терпит сослагательного наклонения. Главное, что русский грек Милиоти никогда не изменял музам — надёжным попутчикам любого таланта.

Галина ИВАНКИНА

ЗУЛЬФИКАРОВ

Мудрец из Зимчурда

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ЗУЛЬФИКАР в мусульманской традиции — священный меч пророка Мухаммеда, имевший раздвоенный клинок и защищавший от врагов границы "дома верных".

В Таджикистане давнего и постоянного автора газеты "Завтра" Тимура Касымовича Зульф리카рова (р. 17 августа 1936 г.) называют русскоязычным таджикским писателем, в России и во всём мире — русским писателем таджикского происхождения. Его поэзию и прозу с полным основанием можно отнести к числу уникальных феноменов советской культуры как вершинного выражения культуры Большой России. Дело здесь даже не в том, что его родители, Мухаммад Касим Зульф리카ров, видного партийно-государственного деятеля Таджикской ССР репрессированного в 1937 году, и мать Людмилу Владимировну Успенскую, филолога-востоковеда из дворянского рода, соединила (и навсегда разлучила) советская эпоха, не в том, что он учился сначала на филологическом, затем на философском факультетах Ленинградского госуниверситета, а с 1956 года — в московском Литинституте (семинар Льва Озерова), и не в том, что все его произведения написаны на русском языке. Дело прежде всего в масштабе поэтического мировосприятия. Как утверждает сам Тимур Зульф리카ров, поэт становится великим в великом государстве и при великом правителе.

Понятие "великое государство" имеет как пространственное, так и временное измерение — в советском случае распространяясь практически на всю мировую культуру и историю, которая активно "переводилась на русский", тем самым на практике пытаясь реализовать идею "всеотзывчивости" и "всечеловечности" нашего народа и нашей цивилизации. Поэтому в том, что соотечественниками и современниками в мировосприятии Тимура Зульф리카рова являются Гомер, Омар Хайям, Данте, Сервантес, Шекспир, Гёте и Пушкин, — немалая доля "вины" не только его самого, но и советской цивилизации в целом. Так что великое государство было налицо, но — без великих правителей, отсутствие которых и привело к уничтожению Советского Союза. А заодно — определило творческую биографию Тимура Зульф리카рова.

"Московский салон меня не принимал, советская власть не любила. Меня стали издавать только тогда, когда я достиг такого уровня, что империя просто не могла меня замолчать", — вспоминает он. Первую книгу Тимура Зульф리카рова "Поэмы странствий", вышедшую в 1980 году с предисловием Льва Озерова в издательстве "Молодая гвардия" столичным тиражом, трудно назвать литературным дебютом. К тому времени писатель уже девятнадцать лет отработал на киностудии "Таджикфильм", где по его сценариям было снято несколько документальных и художественных фильмов, а его творчество получило достаточно широкую известность и признание в литературных кругах — не только в нашей стране, но и за рубежом. Однако никаких следов диссидентства или национализма в произведениях или публичных выступлениях Тимура Зульф리카рова обнаружить не удастся ("СССР нуждался в лечении, но под видом врачей пришли убийцы..."). Вообще, дама дня его важна писателю разве что как фон, который позволяет подчеркнуть действительно важные проблемы, находящиеся в фокусе его внимания: социальную справедливость ("Известно, что человек на 90% состоит из воды... Правда... бедняк состоит из чистой воды, а богачи — из мутной..."), творчество, любовь, отношения человека и природы, молодость и старение, жизнь и смерть.

САМА ИПОСТАСЬ восточного мудреца, странника-дервиша стала вовсе не пришедшей в пору маской, а истинным лицом Тимура Зульф리카рова, часто отождествляющего себя с фольклорным персонажем-трикстером мусульманского Востока Ходжи Насреддина в бесконечном путешествии сквозь века, страны и народы. И в этой дороге его верный спутник ослик при необходимости становится поэтическим Пегасом, а порой — даже легендарным, упомянутым в Коране Бураком, явно ангельской природы существом, способным мгновенно "перемещаться туда, куда достигает его взор".

При этом ставшее после выхода в свет книги "Земные и небесные странствия поэта" расхожим клише определение "русский Данте" вряд ли приложимо к творчеству Зульф리카рова — прежде всего потому, что мир "Божественной комедии", её "Ад", "Чистилище" и "Рай" увидены Дуранте ди Алигьери дельми Алигьери в полном соответствии с католической доктриной по версии "папистов"-гвельфов, а вот творчество Тимура Зульф리카рова столь жёсткой конфессиональной привязки и направленности не имеет. Православное христианство и ислам (а есть ещё зороастризм и буддизм) — слово два лезвия его творческого меча, направленного против всех сторонников и проводников либерального рыночного ада на земле. Более чем актуально сегодня — тот самый случай, когда образы опережают реальность и предшествуют ей, что доступно и свойственно только настоящему творчеству.

Но, что не менее показательно, этому аду противопоставляется вовсе не суровая иноческая аскеза, но почти детское ("будьте как дети!") видение, принятие и желание радостной гармонии нашего мира, его мер и традиций. И соответственно, не-преодоляющая боль из-за отсутствия такой гармонии — боль как одно из разнообразных и необходимых проявлений единства всего сущего, боль, которая всегда с Тимуром Зульф리카ровым, где бы он ни находился: в Москве, в горных кишлаках ущелья Зимчурд или беседа с царём Соломоном, Тамерланом, Иваном Грозным... Нет ли здесь внутреннего противоречия, самоотрицания? Конечно, есть, но они приводят не к обесцениванию и аннигиляции Слова, а к появлению, росту и вызреванию через него новых смыслов. Разве не так в самой известной песне на стихи Тимура Зульф리카рова "Послушай, не идёт ли дождь..." сочетаются, вовсе не уничтожая, но взаимно отражаясь и дополняя друг друга, два как будто противоречащих вопроса-утверждения:

Зачем так долг человек век?
Зачем любовь коротка такая?..

Зачем, о Боже, жизнь так коротка,
Зачем любовь, зачем так бесконечна?!

Владимир ВИННИКОВ